

Статья была опубликована в книге:

Русский мат. Антология. Под ред. Ф. Н. Ильясова. Составление: В. Л. Гершуни, Ф. Н. Ильясов. М.: Издательский дом Лада М, 1994. (PDF) С. 312-324.

Скачать книгу PDF https://www.academia.edu/attachments/96471706/download_file

Владимир Гершуни

На путях опальной словесности

Заметки. Мемуарески.

А русский наш мужик, читая "Бедноту",
Где этот стих печатался дуплетом,
Еще отчаянней потянется к Христу,
А коммунизму мат пошлет приветом.

(Из ответа Демьяну Бедному, опубликованному через 70 лет после появления его в устном распространении).

В народном творчестве, всегда бесцензурном, за 70 лет существования "первого государства рабочих и крестьян" ему досталось в изобилии и мата, и прочей ненормативной лексики. Словесная агрессия (термин одного западного лингвиста) никогда за всю нашу историю не достигала такого напора, как при Советской власти. Ее стрелы направлялись по множеству целей - порядки, идеология, вожди, "социалистическое хозяйство", внешняя политика, органы сыска и т.д. Напрасно иные утверждают, будто в сталинское время было все так мертво, что не слышалось ни стонов, ни смеха. Политические куплеты с матюгами, разумеется, не исполнялись с эстрады (хотя случались у юмористов

"срывы", правда, весьма дозированные)¹, но напевали крамолу и в застольях, и во дворах, анекдоты рассказывали на работе, в трамваях, в очередях - да мало ли где, даже в школах. Школа № 399 (Серебрянический переулок у Яузских ворот), зима 1944 г. Я заканчивал 7-й класс.

Сдают новый дом. Приемная комиссия в ужасе: ни на одном из трех этажей нет туалетов. Им объясняет главный инженер: "Нижний этаж будет заселен рабочими, которые проводят на своих заводах по 12 часов - им некогда срать. Этажом выше поселятся иждивенцы - им нечем срать (иждивенческий паек был ничтожен). На 3-м этаже будут жить партийные - они давно уже все просрали" (В те годы преобладало слово "партийный" вместо "коммунист").

Той же зимой 16-летняя сестра, работавшая на "Манометре", принесла с завода такой анекдот. Сталин, Черчилль и Рузвельт едут в машине по подмосковной дороге, и в каком-то месте им приходится затормозить: на дороге разлеглась корова и на сигналы не реагирует. Черчилль подходит к ней, видит, что эта корова - шкура да кости. Он пытается ее уговорить, чтобы хоть немного подвинулась и ее бы объехали. Корова даже глаз не открывает. Черчилль возвращается в машину и говорит, что корова, кажется, при смерти. Сталин ухмыляется про себя: вот, мол, эти бестолковые иностранцы! Идет к корове и шепчет ей на ухо: "Убирайся на хуй, падла, а то сейчас же в колхоз отправлю, уж там ты точнодохнешь!" Корова из последних сил рванула в сторону и ее как не видали. Рузвельт спрашивает Сталина, что такое он шептал этой несчастной? Вождь объясняет: "Она меня узнала по портретам, поэтому объясняться не было нужды. Каждому слову моему внимают в СССР и люди, и животные - все воспитаны в духе патриотизма".

В те же сороковые слышал я много подобных анекдотов. Некоторые запомнились.

Молотов с Кагановичем летят в самолете, разговаривают о своей популярности в народе. Молотов: "Если бы я сейчас спустился с парашютом, вот бы сбежались люди-то, они бы меня на радостях качали на руках!" Каганович: "Если бы я сейчас спустился у любого села, то сегодня же это село назвали бы

1 Очень популярный в 30-40-е годы клоун "Каранд'Аш" (Румянцев) однажды исчез с манежа на целый год (1947-48), после намека о тогдашнем голоде: выволок на манеж мешок с картошкой и сел на него, сказав, что вся Москва сидит на картошке. Это был скорее комплимент режиму, т.к. картошки досыта мы не ели.

моим именем." Летчик, поворачивая к ним лицо: "Вот если бы я вас обоих, блядей, сбросил бы вниз без парашюта - то-то было бы радости у людей! Мне бы памятник поставили в благодарность".

Метод лечения триппера: обернуть хуй газетой с речью Жданова, и все гонококки лопнут со смеху.

Медики проводят эксперимент по изучению образа жизни и образа мысли граждан СССР и США. Вскрывают желудок американца. В нем бекон, шоколад, коньяк и прочее подобное. Просвечивают его мозг, а там - атомная бомба, призывы к войне с СССР и прочий агрессивный набор. Просвечивают мозг советского гражданина. Там - бекон, шоколад, коньяк и прочие подобные мечты. Вскрывают его желудок - пусто! "Что за поебень! - Воскликает наш медик. - Он, возможно, лечит желудок голодом?..." Американский медик возражает: "Желудок его вполне здоров. Давайте все же проверим еще и печень". Вскрывают печень, а там - доклады Жданова и Сталина, речи Молотова и Вышинского, постановления ЦК и всякая прочая поебень!

* * *

Эпиграфом к этим заметкам взято заключительное четверостишие стихотворения неизвестного поэта, которое десятилетиями приписывали Есенину. В нынешнем, 1994-м, стало известно имя подлинного автора и подлинный текст стихотворения, извлеченный из архивов КГБ. Но я предпочел тот самиздатский вариант, который 70 лет ходил по рукам (я впервые узнал его в 1945-м), ибо такой именно текст был усыновлен стихией фольклора и все 70 лет жил вольной жизнью бесцензурного детища протестующего народного сознания и его фольклорного самовыражения, как и другие бесчисленные "незаконные" плоды народного творчества, среди которых встречаются и авторские, утратившие своих "родителей" и подхваченные волнами фольклора. Некоторые из таких авторских творений узнаются по приметам мастерского пера, а иные неотличимы от подлинно фольклорных, подобно гениальным пушкинским мистификациям в "Песнях западных славян".

Сравним, к примеру, две частушки:

Мне миленок дарит платье
Цвета темного бордо,
А я голая в кровати
В ожидании Годо.

По деревне мы пройдем
Чего-нибудь состряпаем:
Кому жопу разорвем,
Кому хуй оттяпаем.

Обе они – давнишние. Мы легко отличаем продукцию интеллигентского происхождения от "простонародной", как это называлось еще не так давно. Кстати, напомню, что "В ожидании Годо" - название пьесы С. Беккета, классика театра "абсурда".

Теперь сравним еще две частушки:

Еб, еб, ночью
Не помню - чью?
Может быть, поповну?
Все равно, не помню.

Нашу область наградили,
Дали орден Ленина.
До чего ж ты, моя милка,
Мне остоебенила!

Первая - из подлинного фольклора, но она выглядит более мастеровитой и по каламбурно-аллитерационному строю напоминает, в частности, хлебниковскую звукопись или остроту 60-х годов: "был бы ум бы у Лумумбы - был бы Чомбе ни при чем бы". Вторая частушка - стилизация Анатолия Якобсона, литературоведа и

поэта, ценимого А. А. Ахматовой. Для тех, кто этого не знает, она скорее, нежели первая, сошла бы за "простонародную".

Вот еще несколько частушек и эпиграмм (эти формы нередко совпадают) из опального фольклора, которые носят более или менее заметные признаки стихийно-фольклорного или профессионального происхождения - то есть частушечные стилизации поэтов. Те и другие порой очень трудно различить.

Ах, еб твою мать,
Поле не на чем пахать,
Запряги пизду в оглобли,
Хуем будешь погонять.

Ваше поле рядом с нашим -
Наше колосистее,
Ваши девки посисястей,
Наши - попиздистее.

Девочка-чухоночка
Ложилась потихонечку
Хоронилась, береглась,
Будто сроду не еблась.

Как с "Союзом" "Аполлон"
Воссоединяются,
А я милую ебу -
Она сопротивляется.

Мой миленек-пьяница,
Пропил хуй да яйца.
Я стою и думаю:
Вдруг пропьет пизду мою.

Тискал девку Анатолий
На бульваре на Тверском,
Но ебать не соизволил:
Слишком мало был знаком.

В нашем маленьком кибуце
Заживем мы, как в раю,
Остальные пусть ебутся
В этой тундре на краю.

Я не знаю, как у вас,
А у нас в Неаполе
Бабы во поле дают
И рожают на поле.

Ныне мы наблюдаем все большее проникновение авторских имитаций и стилизаций в угоды фольклора (что прослеживается и в нашей антологии), а сам фольклор становится все более "профессиональным". И это не удивляет - ведь интеллектуальный и эстетический уровень народа не сравнить с тем, каким был он 30 и 20 лет назад.

С другой стороны, за прошедшие десятилетия честная интеллигенция, вечно опальная, необычайно преуспела в глубинном постижении опальной словесности - кто в тюрьмах и зонах, кто на воле (особенно с 60-х годов) - и это было одним из проявлений противостояния ханжеской идеологии и двойной "коммунистической морали". В песнях В. Высоцкого, А. Галича, Ю. Кима и других бардов встречаются матерные слова и фразеологизмы, вполне в народном стиле, естественно входящие в песенную речь (В отличие от Э.Лимонова, у которого мат "торчит" как в разговоре обучающихся этому подростков).

Идеально владеет опальной лексикой Ю. Алешковский. Именно с 60-х годов пошли "в массы" и стали рекордно популярными серии анекдотов о Ленине, о Чапаеве и "армянского радио". Новый, взрывчатый успех ожидал давнюю эпиграмму "Гудит, как улей, родной завод". С. Б. Волкова, председатель комитета по культуре в г. Коломне, свидетельствует, что в этом городе она и другие

девочки-первоклассницы в 1960 году уже знали эту эпиграмму, наполовину состоящую из матерных слов!

Тогда же появилось и "рязанское радио", но в отличие от армянского, скоро иссякло.

"Рязанское время - 14 часов 15 минут... Тьфу, еб твою мать! 15 часов 14 минут. Гражданин Петров из города Рязска спрашивает, что такое сульфеджио. Ах, гражданин Петров, не выебывайтесь!... А гражданин Турсунбек Мухаметдинович... Фамилия еще труднее выговаривается, из города... гм... хуй разберешь... Словом, он жалуется, что приехав в наш город, с огорчением убедился, насколько верными были слухи о состоянии нашего снабжения. Ни хуя себе заявочки! И не жалко было вам времени и затрат на поездку в такую даль, чтобы удовлетворить вашу любознательность!"

В те 60-е годы триумфального шествия опальной словесности - и разговорной, и художественной - мне неспроста вспомнился анекдот, услышанный еще в 1947 году: "Вопрос: какая разница между матом и диаматом? И что у них общего? Ответ, разница в том, что мат все понимают, но делают вид, что не понимают, а диамат никто не понимает, но делают вид, что понимают. Общее же у них то, что и мат, и диамат - мощное оружие в руках рабочего класса".

В 60-е годы активно "вооружалась" уже интеллигенция, и все меньше оставалось таких, кто притворялся непонимающим. Тогда же интеллигенция вступила в классовое соревнование с рабочим классом не только в овладении этим оружием, но и в употреблении крепких напитков (не зря официальная идеологическая доктрина трубила о стирании граней между классами!). Для мыслящей части общества алкоголь был и допингом, и средством самооглушения - защиты от убогой пропагандистской трескотни. Первым об этом написал Валерий Тарсис в "Сказании о синей мухе", опубликовав его на Западе в начале 60-х, за что угодил в психушку. Позже Игорь Губерман высветил одну из причин массового запоя:

Пой, либерал, гуляй, жуир,
бранись, эстет, снобистским матом,
не нынче - завтра конвоир
возникнет сзади с автоматом

* * *

Пятилетним я попал в детский дом (на Остоженке), и с "воли", со своего двора занес я туда кое-что из городского опального фольклора. Уже через день или два наша группа запела хором антисоветский куплетик, смертельно напугав воспитательницу. Меня уже в том возрасте удивило, что самое запретное - мат - не пугал, а лишь возмущал взрослых. Мы дошколятами постигали азы субординации запретов: мат - не самое страшное. Старших заставляет бледнеть нечто другое, самое-самое жуткое, о чем и заикнуться опасно и чего мы еще не понимаем. Мы не понимали так же значений матерных слов, за которые нас запирали в тесную туалетную комнату у черного хода.

В 70-е годы появился анекдот. Рядом с детским садом начинается стройка, работают стройбатовцы. В речи малюток замечаются непристойные слова и фразы. Понятно - откуда. Заведующая идет разбираться с командиром части. Лейтенант, выслушав ее подозрения, всплескивает руками: "Да что вы! Советские солдаты совсем иначе воспитаны. И мы, офицеры, очень об этом заботимся. Вот вам свежий пример. Проходил я вчера под фермой, не заметив, что рядовой Степанов наверху занят сваркой. Мне на фуражку полился расплавленный металл. Я отбежал в сторону и обратился к сварщику: "Послушайте, Степанов, что вы делаете? Вы льете мне на голову расплавленный металл!" Он ответил: "Виноват, товарищ лейтенант, впредь буду внимательнее" Вот каков уровень нашего общения".

Не знаю, поверила ли заведующая детсадом лейтенанту, но все, особенно отслужившие в армии, прослушав этот суперинтеллигентский диалог, разражались гомерическим смехом.

* * *

Как продолжение рассказа о счастливом советском детстве и в качестве интермеццо - еще один анекдот.

Проезжая мимо городов и весей страны Советов, ее высокий гость из Англии (возможно, это был наш друг Хьюлетт Джонсон) обратил внимание на ряды

колючей проволоки, заборы и сторожевые вышки с автоматчиками. Эти "пейзажи" так примелькались, что гость спросил о них сопровождающих. Ему ответили, что это пионерские лагеря, охраняемые для полного спокойствия ребят. Гость пожелал посетить один такой пионерлагерь. Начальству заблаговременно было дано указание переодеть зеков в соответствующую форму, и тех, кто помоложе, выстроить в линейку, а пожилых упрятать подальше. Английский гость предстал перед строем молодцов в коротких штанишках, в белых рубашках и пионерских галстуках. Его приветствовали горном и барабаном. Гость спросил горниста, сколько ему лет. "Четырнадцать", - отвечал горнист. "А я бы вам дал не меньше 30-ти", - удивленно произнес визитер. "Да ты, блядь, в натуре охуел! Нет в нашем кодексе таких сроков".

* * *

В школьном детском доме мы, первоклашки, продолжали осваивать богатство потаенного лексикона и фольклора. Кроме примитивщины, которой так отличился вполне взрослый Эдичка, мы перенимали у старшеклассников сложные конструкции - в частности, каламбуры.

Папе сделали ботинки
 На резиновом ходу.
 Папа ходит по избе,
 Бьет мамашу по пи...

-Папе сделали ботинки -

и далее, повторяя много раз (аналог - "у попа была собака").

Осваивали рифмованные диалоги, образцы которых в нашей антологии приводятся, фрагменты большого и малого боцманских "приколов". Декламировали переделки стихов и басен, распевали переработанные песенки ("Светит месяц" и др.). Узнавали новые песенки, ранее неведомые - "Нина комсомолочка гуляла...", "По темным улицам Кронштадта", "Ах ты, сука, ах ты, блядь", "Когда я был мальчишкой..." Прежде чем сказать о самой популярной в ту пору песне - еще одно интермеццо, все по той же детской и школьной теме.

Учительница:

– Продолжим тему прошлого урока. Иванов, кто взял Бастилию:

– Не я.

– Семенов, ответь на этот вопрос.

– Не я.

- Ну-ка, ты, Степанов!

– И не я.

Учительница выбегает из класса, дрожа от негодования: "Сговорились, стервецы! Научились же издеваться над учителями". По пути к директору ей встречается комсорг школы. Она ему возмущенно рассказывает о происшедшем. Комсорг - сочувственно:

– Да, это та еще шантрапа! Если что возьмут - хуй признаются.

На уроке логики учитель рассказывает, как Петр I, согласно преданию, однажды своим фаллосом ударил по дубу и свалил его. Если допустить, что это не вымысел, то как это можно объяснить? Класс размышляет долго. Наконец один ученик, из наиболее сообразительных, поднимается и объясняет: "Полагаю, что у Петра хуй был дубовый, а дуб- то был хуевый".

Отходя от школьных тем - еще об одном иностранном госте, также дружественно настроенном. Хорошо зная русский язык, он не понимал некоторых особенностей опальных присловий, как многие иностранцы не понимали наших идиом и специфики поговорок, пословиц и проч. Мир помнит, как в 1959 г., когда Никсон впервые посетил Союз, Хрущев обещал показать Западу "Кузькину мать", а переводчик Никсона перевел ему буквально "Мать Кузьмы".

Подобный же буквализм оставил в заблуждении нашего дружественного гостя: "Прекрасный народ - русские. Но я удивлен странностями их физиологии. У них можно услышать, например, такое: "Надень, на хуй, шапку, а то уши отморозишь!" Или: "Брось ты пизду смешить" И еще вот слышал о странном вознаграждении. Один спрашивает, какая будет к 1 Мая премия, а другой отвечает: "Дадут от хуя уши".

* * *

Итак, еще популярнее "Мурки" была песня "Гоп-со-смыком". Расшифровка этого словосочетания заняла бы много места, отсылаю читателя к статье А. Синявского "Отечество. Блатная песня" ("Нева", 1991, № 4). Вначале следует отметить, что в песнях преступного мира мат встречается крайне редко, сколь бы ни показалось это странным. Не следует их смешивать с песнями улицы (можно назвать их иначе, например, хулиганскими, а хулиганы - бакланы - отнюдь не признавались ворами в законе близкими к их касте). Это обстоятельство и оговаривает Синявский, когда пишет о своих сомнениях - создана ли песня "Гоп-со-смыком" в блатной среде, и больше склоняется к догадке, что тут "простой хулиган ввязался или какая-нибудь сямка".

И еще одно замечание. Советский патриотизм втихаря поощрялся даже в хулиганском обличьи и в любой, хоть самой нелепой, форме (этим и объясняется безграмотная телевизионная реплика "у нас секса нету" - к ней еще вернусь). Потому-то "Гоп-со-смыком" распевали, не таясь, все охочие, из конца в конец СССР, с 20-х годов и до конца Советской власти (возможно, и ныне где-нибудь распевают). Эта песня обрастала новыми фрагментами, вариантами, сделавшись в 30-е годы крутой и агрессивной ура-патриотической фанфаронадой пополам с матюками и прочей похабщиной.

Я ебал японца в жопу
И насрал на всю Европу!
Сунетесь -
И мы вас разобьем!

Это еще не самая гремучая ругань тупого воителя за коммунизм, там есть и похлеще. И вот что еще выдает неблатной характер этого опуса. Известно, что воры, по их "закону", не только воевать, но и служить в армии не имеют права. Для них это значит - ссучиться.

Трескучие патриоты найдутся и среди люмпенов, всякой шоблы-ёблы, и среди ангажированной интеллигенции и прочих "фраеров"... О, это бессмертное "У нас секса нету" - в устах гражданки, патриотически дискутировавшей с американцами в самом начале перестройки! Дура была права: у нас одна ебля!

На собрании отчетном
Спросили тетку Агнию
Перегналы ль мы по ебле
Францию и Англию?

Есть и ответ:

Раньше люди ели сало,
Но ебались очень мало,
А теперь живут не емши,
Но ебутся ошалемши.

Последнее интермеццо.

Эвфемизмы. Околичности.

Опальная словесность имеет в запасе намекающий, имитированный пол-ума, четверть-мат и того меньше, по нисходящей. И эти намекающие слова, фразы, фразеологизмы часто используются для каламбурных игр, как в известной анекдоте о Пушкине (а их много): "Пушкин, ты куда спрятался? - А Пушкин, погрузясь по колено в мох, скрыт в кустах. Вот и отвечает он: "Во мху я по колено".

Менее известный из пушкинской серии.

Некий граф, с претензиями на остроумие и не раз уколотый остротами поэта, никак не мог оставить мысль победить его в этом поединке. Его потуги были жалки, но вокруг него составила компания таких же горе-острословов, и Пушкину кто-то сказал: "Ох, уест тебя граф! Вон сколько собрал он подручных. Ох, уест!" И тут появился граф с компанией и с порога залепил очередную нескладушку по адресу Пушкина, на что тот отреагировал молниеносно: "Ох, уел!"

Мы слышали чаще околوماتерные околичности тогда, когда опальная лексика была покрыта флером застенчивости: "Ё-ка-лэ-мэ-нэ!" "Ёп-понский

городовой!" "Кипит твое молоко на примусе" (на керосинке, на печи). "Пошел-ка ты на хутор бабочек ловить!" У Солженицына: "Да на фуя его мыть каждый день! (Пол). "Смефуечками он своих людей не жалует".

Анекдот-загадка:

"Работает - стоит, кончает - кланяется, из трех букв состоит, на "х" начинаеся - и совсем не то, о чем вы подумали. Ответ - хор.

Анекдот филологический.

Лектор объясняет происхождение жаргонизма "стибрить" (т.е. украсть):

"Когда Александр Македонский стоял лагерем на Тибре, у него украли меч. Тогда и появилось это слово - стибрить." Один из слушателей задает вопрос: "Есть у этого слова синоним. Скажите, не было ли подобного исторического случая с кражей в той же Италии, в городе Пиза?"

* * *

Пушкин не мог удержаться от матерной характеристики Аракчеева, когда писал на него эпиграмму, - а Пушкина ли мы заподозрим в нехватке обычных, цензурных изобразительных средств и сатирической силы? Ни в одной из его эпиграмм на Булгарина нет мата. Булгарин был опасен (стукач), но все же смешон. Аракчеев - опасен (деспот), подл, силен своей властью над людьми и не смешон, а страшен. Ему полагалось воздать полновесной сатирой, с языковыми сверхсредствами.

И высококультурные наши современники - М. Ростропович, Е. Боннэр и другие, кто открыто употребил опальную лексику в дни августовского путча, тоже не сочли ГКЧПистов достойными обычных словарных характеристик. Утром 19 августа мы имели дело уже не с министрами, не с политиками, а с гангстерами от коммунистической номенклатуры, возамерившимися вернуть себе диктаторскую власть, а нас вернуть в прежнее тоталитарное стойло. Говорить о них обычными словами, даже самыми злыми - значило бы признавать их право на человеческий, приличный диалог или спор. Но какой приличный спор может быть с теми, кто заносит над вами нож? Со всякой, шпаной? Со всяким "гоп-со-смыком"?

Шпаной назвал их А. Н. Яковлев, человек более ровного темперамента. Впрочем, и люди с ровным характером в те дни не чувствовали достаточным наш

словарный запас и выходили за его пределы, дабы полновесно воздать "этим блядям" - такими словами закончил свою речь депутат из Петербурга Н. Аржанников на митинге у Белого дома 20 августа 1991 года, на который собрались сотни тысяч граждан. Их аплодисменты не оставили сомнений в том, что именно так следует высказываться о нелюдях, посягающих на нашу свободу, которую мы едва вдохнули после 70-ти лет их тирании.

Да, свободу добывают и отстаивают разным оружием. В том числе и словесным. В том числе и опальным словом. Свобода стоит того - и это верно в большей мере, чем то, что "Париж стоит мессы".

* * *

Все, сказанное выше о споре народа с порабощателями можно отнести также к другому стилю этого спора - чисто художественному. Да хотя бы к частушечному. Читатель, надеюсь, уже сыт по горло опальными частушками. Те, кто постарше, когда-то насыщал свой слух до тошноты (отнюдь не добровольно) такими, к примеру, "частушками":

Мы в колхозе родились
И на славу удались:
Щечки пухленькие,
Сами кругленькие!

Хорошо, хорошо!
До чего же хорошо!
До чего же хорошо,
Замеча-тель-но!

7-8-летних девчонок заставляли водить хороводы с такими вот припевами, по всей стране Советов! И в нашем детском доме тоже. А почему попали девчонки в сиротский дом? Да в ходе коллективизации. У одних родители умерли с голоду, у других родителей посадили или раскулачили. И воспитатели то и дело им об

этом напоминали, таким манером внушая им с ранних лет статус "социально-чуждых". А хороводить во славу колхозного строя их же и заставляли.

Ой ты, полюшко колхозное,
Тебя я полюбил!
Это ты, товарищ Сталин,
Нас на трактор посадил!

Я на вишенке сидела -
Не могла накушаться.
На съезде Сталин говорил -
Не могла послушаться.

И почти в любой подобной серии - все тот же припев: "Хорошо, хорошо..."

Когда на место "высокого штиля" выдвигается тошнотворная казенная фальшь, состряпанная продажными анонимами, и выдается за народное творчество, с нею вступает в опасный спор другая литературная крайность - "низкий штиль", и того ниже - подпольный, крамольный, - и принимает вызов обласканных властью "творцов" подлой халтуры. Клин клином вышибают.

Опасный спор в языке и фольклоре длился десятки лет. Опальная словесность победила, и господам из старых литературных ведомств, все еще хлопочущих о цензуре, пора бы угомониться. Опальная мысль и опальное слово вышли на свободу.

В заключение - эпизод из историй советского искусства. В качестве притчи. Музыковед И. И. Соллертинский имел большие неприятности от коммунистической власти за его хвалебные отзывы о творчестве классика советской музыки Д. Д. Шостаковича. И он говорил, что когда слушает "отцензурированную музыку", ему хочется "ругаться последними словами", что музыке "без сердцебиения и мысли" он предпочитает "музыку нецензурную" (Сборник "Новый колокол". Лондон, 1972 г.).

* * *